

Д. М. Вечерко

**ТУРКМЕНСКАЯ ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ПЕРЕВОДНЫХ И ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ: ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ**

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ve4erkod@yandex.by;

науч. рук. – И. Э. Ратникова, д-р филол. наук, проф.

Объектом исследования является эстетическая функция экзотизмов в туркменских фольклорных и художественных текстах. Рассмотрен особый способ семантизации туркменских экзотизмов разных тематических групп – посредством авторских метафор и сравнений. Практическая значимость работы связана с возможностью применения ее результатов при переводе безэквивалентных единиц на русский язык, а также в преподавании сравнительной лексикологии и лингвокультурологии.

Ключевые слова: экзотизм; туркменская литература; эстетическая функция; способы семантизации; метафора.

При переводе художественного текста задача переводчика – не только сохранить идею, заложенную автором произведения, но и передать образы и тропы, имевшиеся в оригинальном тексте. Трудности при переводе вызывает семантизация единиц экзотической лексики, обозначающей реалии, которые отсутствуют в культуре языка перевода. Если само наименование экзотической реалии передается в языке перевода с помощью транслитерации или транскрипции, то ее значение требует особого толкования для читателей. Таким образом, перед переводчиком стоят две задачи: описание незнакомой читателям реалии и сохранение стилистических фигур, созданных автором художественного произведения.

В переводных текстах экзотизмы полифункциональны. К основным их функциям относятся а) передача национального колорита; б) текстообразующая (например, описание обстановки или внешнего вида персонажа); в) сюжетообразующая (экзотическая реальность участвует в развитии сюжета). Объектом анализа в данной публикации является эстетическая функция, которую выполняют экзотизмы в составе авторских метафор, сравнений, при создании различных прагматистических эффектов.

Использование экзотической лексики в построении художественных образов весьма существенно для перевода туркменских народных сказок и рассказов туркменских советских писателей. Некоторые произведения

туркменских авторов советского периода создавались на русском языке, однако, как показал сопоставительный анализ, способы семантизации экзотизмов в переводных и оригинальных русскоязычных текстах не различаются, в частности в обоих случаях экзотизм вводится в текст посредством метафоры, что позволяет не только разъяснить читателю значение экзотического слова, но и создать яркий художественный образ.

Образная картина мира автора отражается в удачных, иногда комических, сравнениях экзотических предметов быта и литературных героев. Так, в туркменской сказке «Заколдованные волы» упоминается *бурдюк* – мешок из шкуры животного для хранения и перевозки вина и других жидкостей. Полный бурдюк в значении «мех для вина» выступает образным эталоном толстяка, пустой – худого человека. Так, жадный упитанный бай сравнивается с бурдюком: «*Толстый бай стал худым, как щепка, как подушка, из которой вытрясли все перья, как бурдюк, из которого вылили всё вино до капли*». В миниатюре А. Хаидова «Странный шакал» упоминается *тамдыр* – печь-жаровня, мангал особого шарообразного вида для приготовления пищи у разных народов Азии. Значение слова эксплицируется в контексте образного описания голодного волка: «*Его красные глаза горят, как угли в тамдыре*». Экзотизм *чехарак* (в первичном номинативном значении – старинный механизм у народов Азии) в рассказе Ш. Чарыева «Голос совести» используется метафорически в роли оценочного предиката: «*Не машина, а чехарак какой-то. Пыхтит, гремит, чихает, а все на одном месте...*».

Наименования экзотических блюд и продуктов питания в художественных текстах также употребляются в метафорическом значении. Например, в туркменской сказке «Не поджигай – сам сгоришь, не рой яму – сам угодишь» пастушок придумал себе образную «*шурпу* из целой реки. Сядет на бережок и макает лепешку в речку, речной водой запивает». *Шурпа* – крепкий бульон из баранины, заправленный обычно рисом или овощами [1]. Способ его приготовления включает в себя варение бульона с добавлением крупных кусков овощей и жирного мяса.

Герой туркменской сказки «Виноградник соседа» обращается к винограду, как к одушевленному существу, и поет песню:

«*Ты превращаешься в сладкий кишмиш / И становишься вкусным бекмесом-патокой...*».

Бекмес – концентрированный сок винограда, содержащий сахар, применяемый в кондитерском производстве, в виноделии, а также как питательный и лечебный продукт [2]. По консистенции бекмес напоминает патоку (обратим внимание на способ семантизации этого экзотизма через определение-приложение *патока*). Лексема *кишмиш* к настоящему моменту сместилась к периферии категории экзотизмов – с учетом полноты ее освоенности в русском языке и частотности употребления.

Дыни *вахарман* считаются самыми сладкими в Туркменистане. Особенностью дыни *вахарман* является ее тонкая кожура, которая трескается при созревании плода. Ш. Чарыев в рассказе «Голос совести» описывает характерный аромат сорта («в нос ударил густой, пьянящий **аромат дынь-вахарман**») и признаки созревания плодов («покой и тишину <...> нарушало потрескивание **перезревших дынь-вахарман**»).

Ребенок – герой народной сказки «Три лепешки» поет:

*«Я хочу пушилкой стать, / Лепестком **урюка** стать, / Я хочу душистым ветром стать, / Чтобы в дальних горах летать...».*

Урюк – мелкие сушеные абрикосы с косточками [3]. Носителю русского языка его описание напоминает курагу. В данном контексте урюк поминается как растение, абрикосовое дерево. Из песни явствует, что это дерево – национально-культурно маркированный объект, а слово соответственно имеет национальные оценочные коннотации: лепесток урюка – метафора свободного, легкого на подъем человека, которого ничто не держит, который может путешествовать, где угодно.

В «Балладе о комиссаре» А. Атаджанова лирический герой ведет диалог с чинарой о безымянной могиле:

*«– Скажи мне, **краса Каракумов**, / Ты чей охраняешь покой? / **Чинара** вздыхает листвою: / – В одну из далеких ночей / Упал большевик подо мною, / Сраженный свинцом басмачей».*

Чинара, символизирующая источник силы, вдохновения и мудрости, священное дерево для культур Востока, в стихотворении о борьбе за советскую власть олицетворяет скорбь родины по своим героическим детям. Эпитет *краса Каракумов* подчеркивает детали образа могущественного дерева.

Особенности ландшафта выполняют в туркменских текстах различные функции – от описания климатических условий пустынной местности до создания преград для перемещения героев рассказа (ср. рассказы на военную тематику, вошедшие в сборник «Пограничные зори» (1967)). Военные действия в Туркменистане в начале XX в. происходили преимущественно в пустыне Каракумы. Бесконечные гряды каракумских *барханов* (песчаных дюн) напоминают писателям волны: «До горизонта тянулись, словно застывшие морские волны, **гряды барханов**, – во все стороны, сколько видел глаз, одни безжизненные рыжие холмы песку, – ни человека, ни зверя, ни птицы»; «Кругом, насколько хватает глаз, простирались песчаные **волны барханов**». В дневное время песок нагревается до высоких температур, отчего герои рассказов испытывают головокружение и наблюдают миражи: «**Барханы закачались перед глазами, полезли кверху... Тряхнул головой, и барханы стали на место**».

Несмотря на скудность и безжизненность пустынных районов Туркменистана, животный мир достаточно разнообразен. Однако в художественных

текстах животные упоминаются редко. Самым распространенным экзотизмом является лексема *джейран* (антилопа рода газелей, обитающая в пустынях и полупустынях Азии [4]). У джейрана стройное и красивое тело, благодаря чему и слово-название имеет ярко выраженный положительный стилистический потенциал, часто используется как метафора. В туркменской сказке «Три лепешки» *«какой-то джигит скакал по дороге и пел удалую песню: Конь, мой конь, / Ты стройней джейрана! / Конь, мой конь, / Ты сильнее барса! / Мой конь, / Подобный степному ветру!»*.

Вторая часто реализуемая коннотация лексемы связана с чуткостью животного, образ джейрана выступает как эталон пугливости, что реализуется в устойчивых сравнениях. Так, в миниатюре А. Хаидова «Абу Ахмет ибн Касым» молодые девушки сравниваются с джейранами: *«Пугливые, как джейраны, молодницы, закусив яшмак, просили Абу Ахмета ибн Касыма помочь им обрести благословенное чрево»*. Оказационально возможны и дополнительные коннотации, например, в речи главного героя рассказа Б. Кербабоева «У границы» хищники сравниваются с джейранами, при этом сема пугливости вытесняется семой трусости: *«Они хоть и хищники, а тоже пугливы, как и джейраны, трусливы даже»*.

Таким образом, эстетическая функция экзотических лексем в тексте перевода связана с тем, что они позволяют отразить другую национальную культуру – через точные и выразительные обозначения присущих ей предметов и явлений, благодаря чему в сознании читателя возникает яркая картина описываемых событий. С помощью слов-реалий в оригинальных текстах писатели достигают различных прагматилистических эффектов, создают необычные художественные образы, используя метафоры, эпитеты, сравнения и олицетворения. В тексте перевода эта функция успешно сохраняется благодаря адекватной передаче образных средств, опирающейся на экзотизмы.

Библиографические ссылки

1. Словарь русского языка: В 4-х т / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
2. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 18.03.2023).
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 24.05.2022).
4. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и ред. С.А. Кузнецов. СПб. : «Норинт», 2000.